

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00033

О.В. Павловская (Тюмень)

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ГЕТЕРОТОПИЯ» В АНАЛИЗЕ ГОРОДСКОГО ФЭНТЕЗИ

Аннотация. Понятие «гетеротопия», введенная в научный дискурс Мишелем Фуко, может оказаться полезным при анализе вымышленного города. Однако сначала оно должно быть уточнено. Мы предлагаем рассматривать текст о выдуманном урбисе, обращая внимание не только на противоположность «своего» и «чужого», «центра» и «окраины\девиации», но и отталкиваясь от функций гетеротопии. Гетеротопия тревожит и заставляет защищать свою картину мира. Она нарушает логику нашего существования и высказывания, привычные классификации, ценности, связь означающих. Однако она уже не воспринимается как непереносимо угрожающая данность. Существование повседневности и гетеротопии, признание обеих сущностей легитимными задает новую возможность: если нет представления о единственности реальности, то иногда можно создать новую реальность, уже без всяких социальных конвенций. Эта осуществленная на практике утопия накладывается поверх известных границ и вообще вне противостояния «своего» и «чужого», не как прецедент, но как единичный экзистенциальный акт. На примере городского фэнтези Ч. Мьевиль «Город и город» данная тенденция прослеживается в действиях нарратора, полицейского офицера Тьядора Борлу. В результате игры смыслами, придаваемыми разным локациям, и благодаря практической отмене границ, герой единолично создает новую онтологию. Фактически, автор придает ему ренессансные черты, хотя озвученный перед кругом читателей замысел произведения как будто бы не предполагал таких следствий. В то же время Мьевиль подчеркивал, что его текст открыт метафорической интерпретации.

Ключевые слова: хронотоп; гетеротопия; утопия; М. Фуко; «языковая игра»; Л. Витгенштейн; конец понимания; опровержение предьявленного замысла.

O.V. Pavlovskaya (Tyumen)

Exploring the Potential of Using “Heterotopia” Concept in the Analysis of Urban Fantasy

Abstract. The concept of “heterotopia” was proposed to the scientific discourse by Michel Foucault, and now it can be useful for the analysis of a fictional city. However, at first it must be clarified. In the article it is proposed to explore a text about the fictional urbis, paying attention not only to the opposite of “one’s own” and “another’s”, “center” and “outskirts / deviation”, but also considering the functions of heterotopia. Heterotopia is disturbing and makes you defend your worldview. It violates the logic of our existence and statements, habitual classifications, values and connections. However, it is no longer perceived as an intolerably threatening reality. The existence of everyday life and heterotopia, the recognition of both entities as legitimate, sets a new possibil-

ity: if there is no idea of the reality uniqueness, then sometimes it is possible to create a new reality, without any social conventions. This practically created utopia is imposed above the known boundaries and generally outside the confrontation between “one’s own” and “another’s”, not as a precedent, but as a single existential act. By the example of urban fantasy by China Mieville “The City & the City”, this trend can be seen in the actions of the narrator, police officer, Tjader Barlow. As a result of play-of-meanings, given to different locations, and due to the practical cancellation of borders, the hero single-handedly creates a new ontology. In fact, the author gives him renaissance features, although the idea of the work, introduced to the readers, is as if did not imply such consequences. At the same time, Mieville emphasized that his text can be a subject to metaphorical interpretation.

Key words: chronotope; heterotopia; utopia; M. Foucault; “language game”; L. Wittgenstein; the end of understanding; refutation of the presented idea.

Введение понятия «гетеротопия» в исследование художественных текстов оправдано по множеству мотивов: «Гетеротопия оказывается той идеей, которая изначально способна предельно близко соединить и заставить обратиться друг к другу такие значимые для гуманитаристики второй половины XX столетия идеи, как история, развитие, прогресс, цикл, кризис, время, человек, и прежде всего, человек обыкновенный, повседневность, которые длительный период как бы существовали в разных плоскостях» [Шестакова 2014, 58–59]. В то же время столь широкое использование недоопределенного термина вызывает справедливые опасения [Шестакова 2014, 69]. Бахтинское понятие «хоронотоп», например, достаточно демократично, чтобы быть с успехом приложимо к бытовому и событийному времени, к реальному и символическому пространству, к внешнему миру повествования и внутреннему миру героев, к их памяти, созерцанию, фантазии – и именно поэтому активно используется в литературоведческом анализе.

Однако нам кажется, что понятие гетеротопии востребовано гуманитаристикой не случайно, и интерес к нему связан не только с возможностью объединения в одной плоскости разновеликих феноменов, как считает Шестакова. Это стигматизирующее понятие. Если обратиться к его автору (а именно к предисловию работы «Слова и вещи»), мы можем получить достаточно внятное указание на данное свойство. Вот что пишет Фуко, противопоставляя утопии и гетеротопии: «Утопии утешают: ибо, не имея реального места, они тем не менее расцветают на чудесном и ровном пространстве; они распахивают перед нами города с широкими проспектами, хорошо возделанные сады, страны благополучия, хотя пути к ним существуют только в фантазии. Гетеротопии тревожат, видимо, потому, что незаметно они подрывают язык; потому что они мешают называть это и то; потому что они “разбивают” нарицательные имена или создают путаницу между ними; потому что они заранее разрушают “синтаксис”, и не только тот, который строит предложения, но и тот, менее явный, который “сцепляет” слова и вещи (по смежности или противостоянию друг другу)» [Фуко

1994, 30–31].

Следовательно, гетеротопия – это не просто особенное место (дурное, таинственное, волшебное и т.д.), но лишь такое, которое маркирует отмену понимания. Заметим, что более широкое понимание термина (в паре центр-обыденность и гетеротопия-периферия) этой смысловой нагрузки не несет.

Итак, утопия (понятая в духе Фуко, а не как отдельный литературный жанр) – это осуществление мечты, создание пространства с универсальными законами, гетеротопия – разрыв, отмена (а не просто смена) идентичности. Отступая от разговора о гуманитаристике в целом, предположим, что в литературном произведении гетеротопия – это одновременно атака персонажа в рамках сюжета и читателя в рамках его восприятия мира со стороны угрожающего топоса, нечто, заставляющее усомниться в собственном рассудке, вызов ощущению «нормальности», но без возможности уклониться в постмодернистскую игру абсурда.

Вероятно, использование так уточненного концепта было бы полезно в исследовании текста, изначально включающего в качестве сюжетообразующего элемента эти тревожащие разрывы. Рассмотрим роман восьмикратного лауреата Locus award, лауреата Hugo-2010 China Mieville «The city & the city» (Ч. Мьевиль, «Город и город»). Роман включает три части, описывающие три гетеротопии (разумеется, они становятся таковыми лишь потому, что фокальный персонаж последовательно попадает в каждую из них и оттуда ведет свое повествование, заставляя читателя чувствовать напряжение, разрыв той логики бытия, к которой он успел привыкнуть). И там, внутри, что-то происходит: герои осуществляют то, что М. Серто называл «пешеходно-речевыми актами» [Серто 2008, 28], речь спаяна с действием, то есть дискурс непосредственно создается практиками. Можно сказать, в этом смысле «Город и город» – идеально фукианский роман.

Его действие происходит на уникальной территории Уль-Комы и Бещеля, Города и Города, которые делят одну и ту же физическую реальность, не-видя друг друга. На картах, необходимых для проживания в этих урбисах, те зоны, которые можно и нельзя видеть, обозначены штриховкой. Случаются протуберанцы из другого города: «когда уль-комская собака подбегает и обнюхивает бещельского прохожего; когда окно, разбитое в Уль-Коме, оставляет стекла на пути бещельских пешеходов» [Мьевиль 2013, 100] и так далее; в подобном случае гражданам предписано «стойческое не-видение» [Мьевиль 2013, 100]. Этому помогают внешние атрибуты и воспитание: «Первые годы бещельского (и предположительно уль-комского) ребенка проходят в интенсивном изучении ролей. Мы очень быстро усваиваем стили одежды, допустимые цвета, манеры ходить и держаться. Еще до достижения нами восьми или около того лет можно быть уверенным, что большинство не станет совершать брешей ни по ошибке, ни преднамеренно» [Мьевиль 2013, 101]. То есть взрослый человек в обоих городах игнорирует «гросстоичную» [Мьевиль 2013, 102] близость объектов, выхватывая взглядом из пространства лишь то, что архитектур-

но, декоративно, поведенчески, аудиально соответствует «своему» городу.

Помимо Городов есть Брешь, наблюдающая за ними и выработавшая третий стиль поведения (стерильный, властный, совмещающий консервативные черты секты и широкую автономию своих агентов). Все оттенки обозначения правонарушений, от – фактически – объявления военного положения («боевая Брешь» [Мьевиль 2013, 382]) до сниженного, бытового, саркастического осуждения («путаетесь со странниками и брешедееми» [Мьевиль 2013, 278]) описываются с особенной тщательностью. В городах продумана система исключенности: иностранцев-гостей вынуждают либо копировать стилистику одного из городов, либо изгоняют, а для местных жителей кара особенно ужасна, потому что они просто пропадают, и о них никто никогда ничего более не слышит. «Брешь» – и представление, и констатация состава преступления [Мьевиль 2013, 334]. Как потом выясняет главный герой, это не случайность: в Брешши служат те, кто изначально ее совершил.

Ученые затрудняются уверенно сказать, почему сложилась такая уникальная ситуация разделения единого географического пространства: «летописи с обеих сторон стерлись, исчезли на целое столетие», так что даже неясно, «было ли это расколом или объединением» [Мьевиль 2013, 78]. Языки двух городов некоторые радикалы считают одним [Мьевиль 2013, 55].

Наличие общих исторических артефактов и герметичность городов делает привлекательной контрабанду. Среди желающих нажиться на перепродаже таинственных вещей, найденных археологами в слое до кливажа (раскола), оказывается скандальный профессор Боуден. Свою научную репутацию он подмочил, превратив одну городскую легенду в научную гипотезу. Он взялся доказывать, что между двумя известными существует тайный город – Оркини: он «в диссенсусах, спорных зонах, местах, которые в Бещеле считают принадлежащими Уль-Коме, а в Уль-Коме – Бещелю» [Мьевиль 2013, 78]. Гипотеза была разгромлена научным сообществом, хотя среди неспециалистов его книга пользовалась популярностью. Спустя много лет Боуден модернизирует свою псевдонаучную книгу и рассказывает американской аспирантке-археологу про Оркини, обманом заставляя ее воровать артефакты с места раскопок. Аспирантка оказывается слишком умной, она работает с письменными источниками и разоблачает выдумку, правда, не понимая, кто ее подлинный автор. Боуден, для которого Оркини является не только способом наживы, но и любимым детищем, убивает ее в Уль-Коме и выбрасывает труп в Бещеле.

Расследование достаточно традиционно подчиняется законам жанра: инспектор Борлу отдает дань формальностям, культурным и служебным, но в то же время его приоритет – добиться справедливости. В какой-то момент, узнав жертву лучше, он понимает, что расследование стало для него делом чести; Тьядор Борлу действует как рыцарь мертвой дамы. Наконец, именно он доводит расследование до конца и платится за это изъятием из Бещеля.

В беседе с читателями Чайна Мьевиль говорит о фабуле романа: «Я думаю о Бещели и Уль-Коме как о различных слоях затененной совокупности. На социальном / политическом / правовом и т.д. уровне организующий принцип был связан не столько с играми, сколько с природой табу – чрезвычайно мощных, часто чрезвычайно произвольных и (что имеет решающее значение) регулярно спокойно нарушаемых без подрыва факта табу как таковых. Этот последний элемент, по-моему, иногда недооценивается при обсуждении культурных норм, которые как утверждаются, так и нарушаются. Оба эти элемента фундаментальны» [Мьевиль 2013, 435–436]. И еще более прямо: фантастическое сосуществование городов суть «только необычно экстраполированная версия таких вещей, что происходят все время, на всех уровнях. Такова была идея» [Мьевиль 2013, 442]. Иными словами, автор осуществил высказывание о нашей реальности, о существовании культуры, которая постоянно «вибрирует» от посягновений на установленные ею границы.

Однако нам кажется, что некоторые смыслы, вполне осознанно вложенные Ч. Мьевилем в текст, ускользают, если сосредоточиться на таком «генеральном замысле». Подобно скрытым друг в друге городам, под рассуждением о культуре (и может быть, о хрупкой сути толерантности, и может быть, о ненадежности всех культурных кодов) просматривается еще один пласт. В романе используется прием опровергающегося откровения, и Мьевиль соглашается, что из-за этого его произведение можно считать «антифэнтези» [Мьевиль 2013, 440]. Возможно, и в рефлексии автора над романом «вшит» намек на опровержение предьявленного публике замысла. «Город и город» явно больше, чем высказывание о культуре, которая сохраняет жизнеспособность и устойчивость, невзирая на нарушение табу.

На это предположение наводит сразу несколько деталей. Во-первых, Мьевиль скрупулезно демонстрирует читателю целую языковую игру (согласно Витгенштейну, это правила использования слов в языке [Витгенштейн 1994, 83]), описывающую / создающую реальность Городов. Ему удастся передать не свойственные нашей реальности обороты обыденной речи героев как типичное, рутинное, вызывающее стандартные реакции и ожидаемые шутки. Это не просто незнакомые нам табу, введенные в привычную ткань бытия. «Представить же себе какой-нибудь язык – значит представить некоторую форму жизни» [Витгенштейн 1994, 86]. Такой литературный прием кажется несколько избыточным для иллюстрации предьявленного выше тезиса о регулярном нарушении табу. Два Города, Брешь – третья локация, Оркини – четвертая, хотя кое-кто из героев считает Оркини самоназванием Бреши [Мьевиль 2013, 299]; автору для чего-то нужен многоплановый конфликт сил, которые друг о друге к тому же мало знают, почти не контактируют, не разговаривают и не видят друг друга.

Во-вторых, крайне интересно смотрятся кульминационные моменты расследования убийства. Первый эпизод выглядит так: «...пули пролетали непосредственно через контрольно-пропускной пункт в Связующем зале, через точку соприкосновения двух городов. Отвратительное, сложное,

порочное убийство, но при той усердной заботливости, что предпринял убийца, – расположившись именно там, в той точке, он мог открыто смотреть через последние метры Бещеля над физической границей прямо в Уль-Кому, мог целиться именно через это связующее звено между городами, – это убийство было совершено не с чем иным, как с избыточной заботой о границах городов, мембране между Уль-Комой и Бещелем» [Мьевиль 2013, 330]. Борлу тоже старается заботиться об этих границах, начиная преследование, но в момент его совершения он находится как гость в Уль-Коме. Киллер благополучно, соблюдая правила игры, отрывается от погони: «Он посмотрел на меня, стоящего на пороге той территории, что целиком находилась за границей, и выдал крошечную торжествующую улыбку. Он шагнул в пространство, куда не мог ступить никто из Уль-Комы. Я поднял пистолет и выстрелил в него» [Мьевиль 2013, 334].

Казалось бы, это стандартный прием полицейского романа: коп нарушает закон ради высшей справедливости, невзирая на неотвратимость кары. Или, чисто по-человечески, не может справиться с эмоциями (киллер застрелил свидетеля, которого Тьядор эвакуировал через Связующий зал). Однако здесь есть очень важная деталь, обусловленная смыслом «штриховки»: киллер уверен, что Борлу может лишь арестовать его, пока они идут по заштрихованной зоне. Он бросил оружие, положился на свою скорость и успел добежать до границы. А инспектор помнит, что пуля летит в физическом пространстве, невзирая на конвенции людей. Он почему-то постоянно это помнит. Возможно, потому, что в детстве оказался свидетелем ДТП и невольного протуба [Мьевиль 2013, 101].

Второй эпизод не менее драматичен и интересен. Ни один серьезный исследователь не поддержал гипотезу Боудена об Оркини, однако это не помешало самому Боудену воспользоваться своей разработкой, когда он вынужден был бежать из Уль-Комы. В юности это была лишь бравада: «Дэвид сказал, что собирается войти в него [Оркини] и исчезнуть» [Мьевиль 2013, 134]. Но в экстремальный момент он осуществляет свой замысел – исчезает из зоны видимости. Будучи археологом, Боуден полностью выдумывает еще одну гетеротопию и начинает играть по ее правилам: «Эта походка. Странная, невозможная. Не поддающаяся точному описанию, она для каждого, кто привык к физическим наречиям Бещеля и Уль-Комы, была неуправляемой, нарочитой, лишенной корней и страны. Я видел его со спины. Он не брел, но вышагивал в патологическом нейтралитете от центров городов, направляясь в конечном счете к границам и горам, к выходу в другие страны континента» [Мьевиль 2013, 410]. Борлу в состоянии оценить мастерство своего антагониста: «Каким же опытным надо быть горожанином, каким непревзойденным урбанистическим жителем и наблюдателем, чтобы связать между собой миллионы неприметных манер, что образуют городскую специфику, и отказаться от обеих совокупностей поведения» [Мьевиль 2013, 412]. Будучи временным агентом Бреши, Борлу разоблачает профессора Боудена, демонстрирует ему полное понимание его мотивов и предлагает сдаться. Финал сцены замыкает

смысловой круг: «Когда я вел с собой шаркающего ногами Боудена, мне пришло в голову, что брешь, которой я уполномочен заниматься, которую я все еще расследовал и свидетелем которой выступал он, Боуден, по-прежнему была моей собственной» [Мьевиль 2013, 422].

Из морализирующей позиции можно сказать, что в первом эпизоде герой свел противостояние к ничьей, потому что не заботился о своей жизни: самоотверженно выполнял долг. Или же – что Борлу стал копом-беспредельщиком, отомстившим за убийство. Однако гораздо сильнее раздвигает горизонт понимание именно взгляд на гетеротопии, предложенный Фуко. Волевым актом инспектор превращает гетеротопию в утопию с одинаковыми для всех физическими (и нравственными) законами. Нельзя сказать, что мы видим поединок двух видов насилия: хитроумные действия киллера и более варварские манипуляции полицейского. Нет, они оба пользуются огнестрельным оружием и стреляют в жертву с длинной дистанции, оба одинаково профессионально совершают убийство. Сражается не огнестрельное оружие против дубины; также это не психологическое противостояние (внутренние переживания описываются скудно, фактически, нет никакого триггера для действий, кроме «крошечной улыбки» наемного убийцы). Но мы видим, что один из противников прекрасно знает правила игры и не может помыслить ничего сверх них (они для него – подлинная онтология), а другой знает и может вообразить иное.

То же самое происходит во втором эпизоде. Действие развивается по нарастающей: уже никто из центральных действующих лиц не соблюдает правил Бещеля и Уль-Комы. И Борлу, и Боуден ушли из Городов, один стоит в Бреши, другой как бы облекся в новую гетеротопию, но это внешне-определенный топос, поскольку друг друга они видят. Можно сказать, они оба разделяют утопию инспектора, и это исключительно акт их воли, который начинается с оклика. В физическом пространстве преступник наводит оружие на полицейского и может безнаказанно убить его, так как оба Города не видят происходящее, а Брешь обескровлена, у нее нет на настоящий момент наблюдателей. В смысловом пространстве утопии полицейский хочет поймать преступника, а преступник жаждет сдаться: это «отвратительный сломленный человек» [Мьевиль 2013, 421], которому нужно понимание и принятие. То, что происходит между двумя людьми, создает новый топос. В него не может войти ни один из напарников Борлу из Бещеля и Уль-Комы, хотя Grosstopично они находятся рядом, по обе стороны от зоны переговоров [Мьевиль 2013, 410–411].

Здесь можно усмотреть переключку с идеями социологов конца XX в. Рассуждая в логике Фуко о трех типах власти, М. Серто пишет: «Язык власти «урбанизируется» – зато город перестает быть объектом регулярных операций; он отдан противоречивым силам, играющим в свои игры вне досягаемости паноптического контроля. Город становится любимой темой популярных политиков, но более не является пространством реализации просчитанных и контролируемых операций. Под покровом идеологизирующих город дискурсов множатся иные силы – они хитрят, ускользают,

вступают в союзы; их трудно идентифицировать, понять, ухватить – поэтому они не поддаются управлению... Возможен иной путь: обратиться к практикам «микробного» уровня, пережившим ослабевшую урбанистическую власть...» [Серто 2008, 4].

Микроб, монада, один человек, обладающий знанием и достаточным воображением, способен превратить разрыв, окраину и центр в сплошное поле, в какое-то другое пространство. Любопытно, что в романе Ч. Мьевиль Борлу делает это еще раз: он добивается от Бреши до полного своего устранения из Бещеля поблажки, которой никогда не делалось раньше: «Я написал письма своим бывшим возлюбленным» [Мьевиль 2013, 429], а также простился с обоими напарниками из разных Городов [Мьевиль 2013, 430]. Письмо подразумевает место отправления (хотя на нем и не стоял адрес); Борлу снова создает нечто сплошное, утопическое – не катастрофический канал связи с Брешьей, пусть и на один только раз.

При сравнении функционирования гетеротопий и утопий ни в коем случае нельзя упускать из виду именно индивидуальность, единичность актов преодоления разрыва. Роман пронизан драматическими ситуациями (как в воспоминаниях героя, так и непосредственно в финальных сценах второй части), когда насильственная универсализация миров ведет к жертвам. Гетеротопия необходима для культуры, вызываемая ею тревога нужна для ощущения чуждости, это тот ток, который течет по проводам, охраняющим границы иного способа бытия. Можно не-видеть иной образ жизни (фактически, это примитивная защита отрицания, в романе получившая развернутое овеществление в виде регламентирующих жизнь практик). Можно бороться с ним, совершая преступные бреши. Но Мьевиль прав: такое нарушение лишь стимулирует, «штриховка восстанавливается быстро» [Мьевиль 2013, 404]. М. Серто считал, что пешеход лишен места по причине самого факта движения [Серто 2008, 9]; Мьевиль показывает, что «в глазах тех, кто приспособлен к городскому семиозису», горожанин никогда не свободен от места, то есть своего города [Мьевиль 2013, 386].

Главный вызов, который посылает герою (и возможно, читателю) «штриховка», заключается в том, что в определенный момент человеку как экзистенции бывает необходима утопия. Личная, требующая инвестиции интеллектуальных и душевных сил, практически осуществленная, что отчасти отменяет ее недосыгаемость. Как мы видим на примере «Города и города», небольшой смысловой сдвиг в трактовке чуждого, девиантного, влечет переосмысление обыденного, а затем и фигуры главного героя почти в ренессансном ключе: человек снова является творцом, безусловным субъектом своих действий и, несмотря на трагичность собственной судьбы, бесспорным победителем в схватке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 75–320.

2. Де Серто М. По городу пешком // Социологическое обозрение Т. 7. № 2. 2008. С. 24–38.
3. Мьевиль Ч. Город и город. М.: Эксмо, 2013.
4. Новая повесть о двух городах. Беседа Ч. Мьевиль с участниками читательского круга на сайте RandomHouseReadersCircle.com // Мьевиль Ч. Город и город. М.: Эксмо, 2013. С. 432–444.
5. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сad, 1994.
6. Шестакова Э.Г. Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 58–72.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. De Certeau M. Po gorodu peshkom [Walking around the City]. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2008, vol. 7, no. 2, pp. 24–38. (In Russian).
2. Shestakova E.G. Geterotopiya – rabocheye ponyatiye sovremennoy gumanitaristiki: literaturovedcheskiy aspekt [Heterotopia – a Working Concept of Modern Humanitarianism: a Literary Aspect]. *Kritika i semiotika*, 2014, no. 1, pp. 58–72. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Wittgenstein L. *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical Studies]. Wittgenstein L. *Filosofskiye raboty* [Philosophical Works]. Vol. I. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 75–320. (In Russian).

(Monographs)

4. Foucault M. *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things: The Archaeology of the Humanities]. St. Petersburg, A-cad Publ., 1994. (Translated from French into Russian).

Павловская Ольга Виленовна, Тюменский государственный университет.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии Социально-гуманитарного института. Научные интересы: общественные идеалы, современная культура, философский анализ театра, фантастическая литература как коллективная групповая фантазия и проект будущего, современный психоанализ.

E-mail: o.v.pavlovskaya@utmn.ru

ORCID: 0000-0001-8513-2114

Olga V. Pavlovskaya, Tyumen State University.

Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy of the Social and humanitarian Institute. Research interests: social ideals, modern culture, philosophical analysis of theater, fantastic literature as a collective group fantasy and project of the future, modern psychoanalysis.

E-mail: o.v.pavlovskaya@utmn.ru

ORCID: 0000-0001-8513-2114